

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

Владимир СОГРИН

Перестройка: итоги и уроки

Время быстротечно. Уходит в прошлое перестройка, охватившая шесть лет отечественной истории и повлиявшая на развитие всемирно-исторического процесса. События конца августа 1991 г. подвели черту под эпохой, задуманной ее творцами как переустройство общества на основе «раскрытия потенциала социализма». С середины 1991 г. перестройка уступила место процессу радикального слома и замены старых общественных структур новыми отношениями собственности, государственными и политическими институтами. Сущность нового процесса еще не выявилась, но предварительно его можно было бы назвать модернизацией на основе либерально-демократической модели, утверждающей среди фундаментальных первооснов два общецивилизационных достижения XVIII—XX вв.— либерализм и демократию.

Наступило время и для подведения исторических итогов перестройки. Конечно, исчерпывающий анализ ее закономерностей и результатов в одной статье невозможен. Представляется, что перестройка добилась реальных успехов в подрыве политической и идеологической систем старого порядка. Я ограничиваю себя осмыслением закономерностей и итогов этого процесса.

Четыре этапа

В истории перестройки различимы четыре периода: первый, от марта 1985 г. по январь 1987 г., проходил под лозунгом «больше социализма»; второй, уместившийся в 1987—1988 гг., имел новый лейтмотив — «больше демократии»; третий этап, охватывающий 1989—1990 гг., стал периодом размежеваний и расколов в лагере перестройки; наконец, четвертый этап, совпавший с 1991 г., ознаменовался резким изменением соотношения сил в пользу радикально-реформаторских группировок, приходом их к власти и началом соединения идейно-политической революции с радикальными социально-экономическими преобразованиями.

«Больше социализма»

Этап «больше социализма» (этот лозунг был сформулирован не кем иным как тогдашним руководителем идеологического ведомства ЦК КПСС Е. Лигачевым) с высоты сегодняшнего дня предстает как период поразительных иллюзий и традиционного коммунистического утопизма. Изучая

Согрин В. В. - доктор исторических наук, главный редактор журнала, заведующий отделом Института всеобщей истории АИ СССР.

документы первых полутора лет перестройки, убеждаешься: никакой программы радикальных социально-экономических и политических преобразований у руководства КПСС тогда не было. Правда, М. Горбачев в речи в Хабаровске 2 августа 1986 г. заявил, что ставит «знак равенства между словами перестройка и революция», но «революционное содержание» перестройки исчерпывалось желанием ускорить развитие существующей системы. Ни один из трех столпов этой системы — руководящая роль КПСС, государственная собственность на средства производства, политическое господство трудящихся — ни разу не ставился под сомнение. Поэтому, на взгляд трезвомыслящих людей, лозунг «больше социализма» означал больше руководящей роли КПСС, больше государственной собственности, больше политического господства рабочего класса (последнее, впрочем, давно являлось маской, прикрывавшей господство партократии).

Реальным движущим мотивом Горбачева и его окружения было желание сократить технологическое отставание от развитых индустриальных стран, запустить наконец-то механизм научно-технической революции (она развивалась на Западе к тому времени три десятилетия) и тем самым реанимировать «реальный социализм». Это желание соседствовало с убеждением, что экономическая модернизация СССР возможна без изменения его социально-политических первооснов. Меры, предложенные для осуществления модернизации не только на апрельском (1985 г.) пленуме ЦК, но и на XXVII съезде КПСС, состоявшемся в начале 1986 г., поражают сегодня страшным до неправдоподобия отрывом от реальностей и традиционализмом.

Одной из главных мер сформулированной тогда концепции «ускорения» было опережающее (в 1,7 раза) развитие машиностроительной отрасли по отношению ко всей промышленности. Но ни в одном из партийных документов, ни в одном из официальных расчетов не говорилось, что для достижения этой цели необходимо, чтобы производство оборудования для самого машиностроения развивалось еще примерно в 2 раза быстрее (советской экономике это было совершенно не под силу). Далее Горбачевым и партийным руководством выдвигалась задача тотальной компьютеризации школ: явно подразумевалось, что выпускники в результате подобной «революционной» школьной реформы сразу станут вровень с «беловоротничково-вым» рабочим классом стран Запада. Из виду была упущена самая малость: советская промышленность не могла произвести и толики компьютеров, необходимых для радикальной реформы. Школьная реформа испустила дух уже через несколько месяцев после ее провозглашения.

Коммунистическая маниловщина пронизывала следующую меру первого этапа — Закон о трудовых коллективах. XXVII съезд КПСС, как и подобало ему, торжественно провозгласил, что утверждаемая Законом «непосредственная демократия» приведет к «активизации трудовых коллективов, созданию в них атмосферы социалистической взаимопомощи и требовательности, воспитанию у трудящихся чувства полноправных хозяев производства, высокой ответственности за выполнение обязанностей перед обществом». В действительности же, как очень скоро обнаружилось, «непосредственная демократия» выявила «коллективный эгоизм», желание трудовых коллективов выбирать удобных руководителей, производить продукции поменьше, да подороже. Вера в высокую сознательность социалистического рабочего класса рухнула в очередной раз.

Перечень утопических подходов, выдвинутых Горбачевым и его окружением на первом этапе, легко продолжить (чаще других на память приходит, конечно, постановление ЦК КПСС «О мерах по преодолению пьянства и алкоголизма»). Их перечисление и анализ заняли бы слишком много места. Но один из этих подходов все же должен быть назван. «Кадры решают все» — вот незамысловатый, почерпнутый из командно-администра-

тивной системы принцип, который кочевал из одного партийного постановления в другое в 1985—1986 годах. Пожалуй, только в сталинские времена кадры тасовали столь интенсивно (первый секретарь МГК КПСС Б. Ельцин трижды поменял подвластные ему партийные структуры). Но реформы не шли, командно-административная система стояла незыблемо. И к концу 1986 г. у Горбачева и его единомышленников возникла новая концепция перестройки.

«Больше демократии»

На втором этапе перестройки в 1987—1988 гг. была сформулирована реформаторская политическая концепция и осуществлены реальные политические реформы. Единоличным политическим лидером перестройки оставался Горбачев, но в его окружении произошли серьезные перемены. Так, на роль главного идеолога уверенно выдвинулся А. Яковлев. Лагерь перестройки оставался сплоченным, от него «откололся» один только Ельцин, да и то он, скорее, был переведен в оппозицию, нежели сам перешел в нее. Консервативные лидеры КПСС предпочитали действовать через «вторых лиц», таких как Н. Андреева и Ю. Бондарев.

То, что Горбачев на втором этапе сделал упор на радикальную политическую реформу, провозгласил введение альтернативных выборов в советы всех уровней и выдвинул задачу перемещения властных полномочий из партии в советы (эти реформы были одобрены в середине 1988 г. XIX партконференцией) было вполне логичным. Первый период перестройки показал, что без ломки бюрократической командно-административной системы, основу которой составляла партократия, с мертвой точки сдвинуться не удастся.

Позитивный вклад второго периода перестройки в развитие концепции и практики политической демократии невозможно недооценить. Доктрина политической демократизации претерпела в течение буквально одного года радикальное изменение. Приведу только один пример из множества — эволюцию взглядов Ф. Бурлацкого, выдвинувшегося в число признанных идеологов-«горбачевцев» именно по политическим вопросам. В статье «Учиться демократии» (1987 г.) он еще возводил непреодолимую стену между буржуазной и социалистической демократией¹, а ровно год спустя, в период XIX партконференции, превозносил в качестве общечеловеческих принципы, которые прежде заносились в разряд буржуазной демократии,— разделение властей, парламентаризм, правовое государство, естественные и неотъемлемые гражданские и политические права человека². Подобная, безусловно, прогрессивная эволюция, характеризовала все реформаторское окружение Горбачева: идея общечеловеческих демократических ценностей вытесняла жесткий классовый подход к политической демократии, присущий фактически в равной степени Сталину, Ленину и Марксу. Не будем преувеличивать степень оригинальности политической концепции лидеров перестройки: они лишь воспроизвели заповеди еврокоммунизма и социал-демократии. Но для реформаторов от КПСС это был поразительно смелый шаг.

Важно и то, что теоретическая эволюция перестройки подкреплялась и практическими мерами. После XIX партконференции были приняты законы, открывшие возможность альтернативных политических выборов. При всей их ограниченности они создали легальную основу для образования народных фронтов и других политических организаций, которые уже весной 1989 г. заявили о своих притязаниях на власть. Набирали силу различные

¹ Бурляцкий Ф. Учиться демократии. «Правда», 18 июля 1987.

² О н ж е. О советском парламентаризме. «Литературная газета», 15 июня 1988.

формы прямой демократии, в первую очередь массовые народные митинги,— одна из главных в будущем опор оппозиции.

Легализация и проведение курса на политическую демократизацию должны быть поставлены в заслугу архитекторам перестройки. Но сегодня нельзя не увидеть и глубоких изъянов в их стратегии на втором этапе. Один из главных заключался в «зацикленности» на политических реформах и пренебрежении проблемой экономических преобразований. Горбачев обнаружил свою подчиненность «политизированному мышлению», когда на январском (1987 г.) пленуме ЦК КПСС абсолютизировал значение политических корней механизма торможения: «Корни этого торможения — в серьезных недостатках функционирования институтов социалистической демократии, в устаревших, а подчас и не отвечающих реальностям политических и теоретических установках, в консервативном механизме управления». Посягнув на две части триады советского социализма, Горбачев не придал должного значения отрицанию третьей, самой главной части — государственной собственности. Возникло серьезное, чреватое опасными последствиями отставание экономических реформ от политических.

Ограниченность замысла «политической революции», не затрагивавшей социально-экономического фундамента казарменного социализма, запечатлелась в формулировке тогдашнего ближайшего идеологического советника Горбачева Г. Смирнова: «...речь идет не о социально-политической революции, когда уничтожаются основы экономических отношений старого строя, устанавливается принципиально новая политическая власть, выражающая интересы свержающих классов. Здесь ситуация иная. Речь идет не о разрушении общественной собственности на средства производства, а о ее укреплении и более эффективном использовании... Речь идет не о сломе государственной власти, а о дальнейшем укреплении социалистического всенародного государства, углублении социалистической демократии, развитии народного социалистического самоуправления»³.

Но при всей своей ограниченности политическая реформа дала поразительные всходы, совершенно не предвиденные для ее авторов. На волне этой реформы в большинстве республик оформились народные фронты и движения, очень быстро перешедшие в оппозицию Горбачеву и сделавшие ставку на национализм и антикоммунизм. Совершенно очевидно, они заключали смертельную опасность для самого Горбачева. Почему он не сумел предвидеть последствий своих реформ? Сегодня ответить на этот вопрос не составляет труда: ни Горбачев, ни его окружение, искренне верившие в реальность «идейно-политического (естественно, коммунистического) единства» советских людей и «дружбы народов», не могли вообразить, что в условиях даже относительной политической свободы массы отрекутся от коммунизма, а республики побегут прочь из Союза. Интернационализм и социализм, выглядевшие нерушимыми в условиях тоталитарного строя, затрещали от легкого дуновения ветра свободы. В полной мере это выяснилось уже на третьем этапе перестройки.

1989—1990: расколы и кризис

Радикальные последствия демократических политических реформ раскрылись на мартовских выборах народных депутатов СССР в 1989 году. Первые свободные выборы нанесли удар по кандидатам от аппарата КПСС и выдвинули, во-первых, кандидатов, противостоявших аппарату, а, во-вторых, представителей национальных фронтов. Ростки радикально-демократической оппозиции проявились уже на I Съезде народных депутатов СССР (выступления А. Сахарова, Г. Попова, образование Межрегиональ-

³Смирнов Г. Л. Революционная суть перестройки. «Правда», 13 марта 1987.

ной депутатской группы), а ее оформление произошло в конце года на I] Съезде народных депутатов. Окрыленные успехом на весенних выборах, народные фронты Прибалтийских республик в мае—июне решительно поменяли цель достижения национального суверенитета на цель полной государственной независимости и выхода из СССР.

Ответом справа было цементирование консервативной оппозиции. Пленумы ЦК КПСС 1985-го, а особенно 1990 г. сопровождалась нарастающими требованиями консерваторов: «А. Яковлева и Э. Шеварднадзе — к ответу» (фамилия Горбачева не называлась, но явно подразумевалась). Организационные усилия консерваторов привели в 1989—1990 гг. к образованию Объединенного фронта трудящихся, Российской коммунистической партии, всевозможных национал-патриотических и неосталинистских блоков. Нина Андреева, исчезнувшая с политической арены во второй половине 1988 г., на этапе оформления конфронтационных партий создала откровенно сталинистское общество «Единство» и отчеканила лозунг: «Социализм или смерть!».

Раскол единого в 1985—1988 гг. лагеря перестройки, поляризация политических сил в обществе породили в умах панические настроения. В Москву зачастили либеральные зарубежные советологи, бывшие диссиденты в надежде примирить горбачевцев и радикалов. Один из зарубежных наблюдателей в ужасе воскликнул со страниц «Литературной газеты»: «У вас нет политического центра!». Но остановить процесс размывания политического центра было невозможно: он таял не по дням, а по часам. Это оказалось неожиданностью для Горбачева, но было глубоко закономерно в условиях легализации политических свобод и развития перестройки по восходящей линии. Жирондисты должны были уступить лидирующее место якобинцам. Огромное значение для углубления раскола в лагере перестройки имели революции конца 1989 г. в Восточной Европе, разрушившие там реальный социализм. Массовая, всенародная поддержка антикоммунистических революций в Европе во многом определила логику поведения советской радикальной оппозиции: последняя все более решительно отрекалась от социалистического выбора и делала своим козырем антикоммунизм.

В конце 1989 — начале 1990 г. радикальная оппозиция без особого труда реализовала требование о ревизии 6-й статьи Конституции, что имело огромное значение для сокрушения политической монополии КПСС. На мартовских 1990-го года выборах в республиканские и местные советы радикальная оппозиция одержала ряд блистательных побед: она завоевала большинство в Москве и Ленинграде, а в Прибалтийских республиках на-родные фронты, придя к власти, незамедлительно провозгласили государственную независимость. Эти события свидетельствовали о стремительной радикализации массового сознания, со всей твердостью отказавшего в 1989—1990 гг. в поддержке КПСС.

Уже через 2—3 месяца после ревизии 6-й статьи Конституции возникли социал-демократическая, демократическая, конституционно-демократическая и другие партии. Сама КПСС раскололась, из нее решительно вышли герои политических кампаний 1989—1990 годов. Компартия обнаружила полную неспособность вести политическую борьбу в условиях плюрализма: она проклинала и выбрасывала из своих рядов «отступников», но паралич ее вследствие этого не ослабевал, а усиливался. Правда, руководство КПСС предприняло мощные идеологические маневры: его программное заявление «К гуманному, демократическому социализму», одобренное в июле 1990 г., основано на социал-демократических и еврокоммунистических источниках. Но эти идеологические маневры мало кого могли обмануть: о сути партии судили не по программным заявлениям, а по таким фактам, как выход из руководства А. Яковлева и Э. Шеварднадзе и вхождение в него И. Полозкова, А. Дзасохова, И. Фролова. И конечно, о ней

судили по абсолютному нежеланию воплощать благие декларации в политической практике.

В 1990 г. Горбачев со всей очевидностью потерял почву под ногами, начал метаться между радикалами и консерваторами: летом одобрил экономическую программу «500 дней» и заключил альянс с Ельциным, но в ноябре вдруг решительно повернул к правым. Те, почувствовав растерянность президента, стали открыто шантажировать его: В. Алкенис и Н. Петрушенко заявляли на встрече с ним, что глава государства «потеряет армию», если не остановит в течение месяца распад Союза. Президент проанализировал расстановку политических сил, просчитал стратегию удержания власти и отдался в объятия реакционеров.

Расчет оказался абсолютно ошибочным. Перестройка, любимое детище Горбачева, уже нанесла сокрушительный удар по консерватизму. Народ, вдохнувший впервые за 70 с лишним лет воздух свободы, уже в 1989 г. сделал выбор, отвернувшись от неосталинистов и национал-патриотов. В избирательных кампаниях 1989 и 1990 гг. неосталинисты и национал-патриоты предстали политическими пигмеями. Их попытки разыгрывать реакционные политические карты с треском провалились: народ был сыт утопиями и показал, что не желает бросаться в пропасть прошлого.

Третий период перестройки засвидетельствовал, что она вступила в серьезный кризис. На этом этапе развились концепции общественных преобразований, вышедшие из «социалистических берегов». Сторонники преобразований разделились на приверженцев социализма «с человеческим лицом», либералов (в классическом смысле этого слова) и социал-демократов. Обнаружилось, что перестройка на основе социалистического выбора зашла в тупик: сложившиеся государственно-партийные структуры обнаружили полную неспособность и нежелание воплощать в жизнь принципы, провозглашенные горбачевцами, а народ стремительно утрачивал веру не только в коммунизм, но и в социализм «с человеческим лицом». В результате Горбачев предстал не только генералом без армии, но и отъявленным демагогом. Общественные преобразования на основе горбачевской концепции, т. е. собственно в русле перестройки, выдохлись. Более того, сторонники горбачевской перестройки, поименованные центристами, все более смыкались с консерваторами в противоборстве с приверженцами радикального слома казарменного социализма.

Кто кого?

Четвертый период ознаменован укреплением позиций радикалов и переращением перестройки в новую модель общественных преобразований. Победы дались радикалам не без борьбы, но были весьма впечатляющими. В январе 1991 г. демократические силы решительно пресекли попытки «комитетов общественного спасения» осуществить серию контрреволюционных переворотов в Прибалтике. В конце марта — начале апреля демократы в общем-то играючи разрушили намерение Старой площади отстранить от власти в России Ельцина. Чрезвычайный съезд народных депутатов России, задуманный с целью низложения лидера демократов, завершился решением ввести пост российского президента, на который реально мог претендовать один только Ельцин. Ельцин без труда расколол фракцию российских коммунистов, сделал своим союзником А. Руцкого и триумфально победил на президентских выборах в России в июне. Тогда же два других лидера демократов, Г. Попов и А. Собчак, были избраны мэрами Москвы и Ленинграда. Радикалы стали все более прочно брать в свои руки развитие событий. В стране возникли предпосылки для эволюционного перехода к структурным социально-экономическим и государственно-правовым реформам на основе радикальной модели.

Начало четвертого этапа продемонстрировало то, что было ясно уже и раньше: консерваторы не пользуются сколь-нибудь реальной поддержкой народа. Маневры их, как и прежде, никого не могли обмануть: провозглашение КПСС новой программы не дало ей ни одного дополнительного шанса в борьбе за массы. Народ судил о КПСС по иным фактам: исключив в августе из партийных рядов Ружко, Яковлева, других реформаторов, оказав идейно-политическую поддержку августовскому путчу, руководство КПСС продемонстрировало свое истинное отношение к демократам.

Путч 19—21 августа 1991 г. прервал эволюционное вхождение в стадию радикальных структурных реформ. Задуманный силами старого порядка как социальный реванш, путч после его подавления сменился бархатной революцией. В течение считанных дней последней декады августа было сделано то, что оказалось не под силу предшествующим шести годам: распущена КПСС, а вместе с этим ликвидирован фундамент тоталитарно-бюрократического государства; национализирована собственность компартии и ликвидированы экономические основы партократии; разрушен имперский центр, закреплена государственная независимость прибалтийских республик. Подтвердилось известное суждение классика: «революции — это локомотивы истории».

По своему характеру революция конца августа может быть определена как либерально-демократическая. Ее цель — утверждение двух фундаментальных ценностей современной цивилизации: либерализма, провозглашающего основополагающие гарантии для существования свободной личности, и демократии, закрепляющей верховенство народа в политическом управлении. Созданы политические предпосылки для начала радикальных структурных реформ в социально-экономической сфере. Провозглашенная в 1985—1986 гг. перестройка казарменного социализма окончательно исчерпала себя. Гегемоном исторического процесса выступают теперь радикальные политические течения, провозгласившие цель полного — «снизу доверху» — устранения государственно-правового тоталитаризма и построения нового социально-экономического фундамента. Вместе с этим завершилась и эра Горбачева и горбачевцев.

Тенденции радикализма

С конца 1988 — первой половины 1989 г. судьба перестройки во все большей степени оказывалась в руках радикальных и национально-демократических сил. За три года они добились огромных успехов, положив начало процессу мирной по характеру, но революционной по сути трансформации партийно-государственной тоталитарной системы в демократический государственно-правовой механизм, основанный на многопартийности.

За этот же период радикальное и национально-демократическое движения претерпели существенные изменения: поменялись их цели, идеологические ориентиры, состав, наконец, они расчленились. Впрочем, некоторые общие характеристики у них сохранились и по сегодняшний день, но и эти характеристики эволюционировали.

Принципиальным отличием движений, которые известны под именем радикальных, с самого начала являлось стремление к полному разрушению триады советского социализма, как и унитарного характера советского федерализма. Но их представление о том, чем и как заменять порочные первоосновы, за три года существенно изменилось. На первом этапе — до весны - лета 1990 г. — радикальные движения еще придерживались так или иначе «социалистического выбора». В январском 1990 г. обращении к избирателям тогда еще единого радикального ядра (Т. Гдлян, Б. Ельцин, И. Заславский, Г. Попов, С. Станкевич, Г. Старовойтова), по сути, провозглашалась несколько модернизированная программа «Октябрь 1917-го»:

«Власть — народу! Предприятия — трудовым коллективам! Земля — крестьянам!.. Собственность — всем и каждому!»⁴. Но к лету 1990 г. большинство радикалов перешли на антикоммунистические позиции и подвергли остракизму «социалистический выбор». Именно тогда признанные лидеры радикалов покинули КПСС.

Идея антикоммунизма была закреплена в обращении оргкомитета движения «Демократическая Россия»⁵, попытавшегося осенью 1990 г. объединить все партии и группы, выступавшие под знаменем радикализма. В связи с их отчетливо выраженным и все нараставшим антикоммунизмом печатные органы КПСС заклеили их как «так называемых демократов». Но в действительности соединение антикоммунизма и демократии в конкретно-исторических отечественных условиях было вполне логичным и закономерным: на протяжении более чем 70 лет идеология и политика КПСС являлись главными душителями свободы, поэтому их разрушение выступило теперь как главное условие утверждения демократии.

Итак, к осени 1990 г. антикоммунизм стал «общим знаменателем» радикальных движений, свидетельствуя об их единстве в понимании того, что должно быть разрушено. Но как и чем должна быть заменена коммунистическая идея и практика — по этому поводу единства не было, а обнаружившиеся расхождения все увеличивались.

Радикал-либералы

На одном из флангов радикализма оказалось радикально-либеральное направление, существующее как течение мысли, а также реализовавшееся в программах нескольких политических партий. Как течение мысли оно пестовалось такими публицистами, как В. Селюнин, А. Стреляный, Л. Пи-яшева, Б. Пинскер, А. Иванов, А. Ципко. Их идеал — утверждение полной, ничем не ограниченной свободы частной собственности, возрождение ценностей классического, в духе Адама Смита, рынка и капитализма. Идеологическим маяком для них стал современный западный неоконсерватизм (созвучный классическому либерализму), духовными героями — М. Фридман и Ф. фон Хайек, а политическими — М. Тэтчер и Р. Рейган.

Приведу характерные суждения представителей этого направления. Л. Пи-яшева: «Когда- я размышляю о путях возрождения своей страны, мне ничего не приходит в голову, как перенести опыт немецкого «экономического чуда» на нашу территорию. Конституировать, как это сделало правительство Аденауэра, экономический либерализм в чрезвычайные сроки, запретить коммунистическую идеологию, провести всероссийский процесс покаяния, осудив всех «зачинщиков» хотя бы посмертно, сбросить с себя груз тоталитаризма, захоронить ленинский прах, убрать в музеи всю социалистически-коммунистическую символику и высвободить на волю вольную всю уцелевшую и сохранившуюся в обществе предпринимательскую инициативу. Моя надежда теплится на том, что выпущенный на свободу «дух предпринимательства» возродит в стране и волю к жизни, и «протестантскую этику» . А. Ципко: «По крайней мере, все прогнозы о грядущей социал-демократизации Восточной Европы не оправдали себя. Все эти страны идут от коммунизма к неоконсерватизму, неолиберализму, минуя социал-демократию. Тут есть своя логика. Когда приходится начинать сначала, а иногда и с нуля, то, конечно же, лучше идти от более старых, проверенных веками ценностей и принципов. Консерватизм, т. е. ставка на семью, частную собственность, частное предпринимательство, религию, нацио-

⁴ «Позиция», 1990, № 1.

⁵ «Огонек», 1990, № 38.

⁶ «Родина», 1990, № 5, с. 8.

нальное самосознание, в этих условиях позволяет ускорить восстановление жизнеспособности общества. Поэтому он и популярен, пользуется широкой поддержкой»⁷. В. Селюнин: «Наши великие реформаторы все еще мечтают изобрести нечто свое, в мире невиданное: постановление правительства прокламирует переход не к рыночной, а, видите ли, к «планово-рыночной экономике». Но совмещать план и рынок — это все равно что вставлять в наручные часы детали от часов песочных. Испортить те и другие, вот и все»^{*}.

Социально-экономическая модель радикальных либералов, по-видимому, основывается на одностороннем осмыслении опыта развитого капитализма и еще более односторонней оценке возможностей перехода СССР от «социалистического ада» в «капиталистический рай». В реальности историческое развитие капитализма XX в. детерминировалось взаимодействием и соперничеством трех главных традиций — консервативной, либеральной, социал-демократической. В результате классический капитализм уступил место социализированному капитализму, гораздо более равномерно распределяющему свои блага между разными классами. При этом социал-демократия сыграла наибольшую роль в, преобразовании классического капитализма в сторону социализации. Большую роль в социализации капитализма, как это ни покажется кому-то странным и парадоксальным, сыграл также и либерализм. В XX в. совершался неуклонный процесс его социал-демократизации: из буржуазно-индивидуалистического он превратился в социальный либерализм, все больше акцентирующий значение социальных прав среднего и низшего классов и обязанность общества планировать экономическое развитие и регламентировать крайности частной собственности.

На Западе только консерваторы, да и то не все, поклоняются классическому свободному рынку и ставят на первое место среди прав человека право на частную собственность. В рядах консерваторов сегодня сильно течение социального консерватизма — это те, кто включил в число фундаментальных прав человека социальную защищенность средних и низших слоев и воспринял концепцию государства всеобщего благосостояния. И только правые консерваторы поклоняются принципам классического, в духе Адама Смита, экономического либерализма: частная собственность священна и неприкосновенна, рынок — единственный властитель экономики и цен. На современном этапе правый консерватизм оказал заметное воздействие на политику западных правительств в связи с устранением бюрократических эксцессов государства всеобщего благосостояния. Но основополагающие механизмы государственного планирования экономики, поддержки образования, науки, культуры, медицины, защиты социальных прав средних и низших слоев не были ликвидированы ни в США, ни в Англии, ни тем более во Франции и Германии. Возрождение классического капитализма, являющееся лейтмотивом отечественных радикал-либералов, противоречит закономерностям обществцивилизационного развития.

Воззрения радикал-либералов воплощают, по сути, образец экономического детерминизма, исповедующего чудотворную способность рынка и частной собственности и игнорирующего социально-культурные, национальные, политико-правовые особенности советского сообщества. Реализация их проекта, к тому же на основе шокотерапии, в условиях СССР привела бы к разделению общества на три класса, но только в совершенно иных пропорциях, чем на Западе: верхний и средний классы составили бы менее одной десятой населения, а девять десятых было бы обречено в течение длительного периода оставаться в низшем классе. Следующим следствием были бы глубокие социальные конфликты: народ, утративший веру в

⁷ «Московские новости», 1990, № 24.

⁸ «Литературная газета», 1990, № 18.

официальную социалистическую пропаганду, по сути, и сегодня инстинктивно привержен уравнительности и не смирится с таким расслоением общества. Несмотря на то что радикал-либералы идеологически весьма активны, их политическое влияние до сих пор оставалось незначительным. Принципы радикального либерализма были восприняты христианско-демократической, конституционно-демократической и некоторыми другими мелкими партиями и группами, занимающими маргинальное место в раскладе политических сил.

Радикал-демократы

На противоположном от радикал-либералов фланге разместились радикал-демократы. Коротко различие между ними выглядит так: если первые поставили целью одним махом утвердить царство абсолютной экономической свободы, то вторые твердо нацелились на полное разрушение существующих государственных и политических структур. Возможные последствия реализации леворадикальной стратегии были оценены одним из лидеров радикального центра Г. Поповым так: «Прежде всего, возможно ли и реально ли взятие всей власти демократами? А если это произойдет, то смогут ли они в этом случае успешно реализовать демократическую платформу? Чтобы взять власть, надо нанести мощное поражение аппарату. Это — насилие. Надо будет поднять все массы, бросить их в бой, включить самые отсталые отряды трудящихся. И насилие обязательно выльется в террор, в кровь. Все это мы уже проходили после Октября 1917 года... Демократы, которые сейчас есть,— это не демократы рыночной экономики. Это демократы, выращенные на почве разложения бюрократического социализма, пропитанные идеологическими догмами этого строя и несущие на себе всю грязь его гниения. Такие демократы сами по себе могут устроить резню и очистить страну от аппарата, отомстить за прошлое, но они малопригодны для созидания того, чего требует развитие. Это вариант развала и СССР, и РСФСР, так как демократы в силу своей идеологии насильно никого удерживать не станут, а их курс на уравнительность будет отталкивать те республики, у которых есть перспектива жить лучше среднего»⁹.

В отличие от радикал-либералов, радикал-демократы на современном этапе добились серьезного политического влияния: их удельный вес велик в Моссовете, Петросовете, Российском парламенте, движении «Демократическая Россия». Силевые методы политической борьбы стали типичными для их парламентской деятельности. Характерный пример во время обсуждения кандидатур на пост председателя Верховного Совета РСФСР летом 1991 г. подал Ю. Афанасьев. Он прибег к откровенному шантажу оппонентов, фактически отказав им в праве на свободу мнения: «Первое. Я обращаюсь ко всем фракциям, выдвинувшим кандидатуру С. Бабурина, и тем, кто их поддерживает, с предложением снять с обсуждения эту кандидатуру и не пытаться заменить его кем-нибудь в том же роде. Второе. В случае, если это предложение будет отвергнуто, я как сопредседатель движения «Демократическая Россия» обращаюсь к гражданам России с призывом развернуть широкую кампанию по отзыву всех, без исключения, депутатов, входящих в эти фракции»¹⁰. По иронии судьбы позиция Афанасьева явилась зеркальным отражением звучавших ранее требований его оппонентов об отзыве радикала из Союзного парламента в связи с его предложением отдать Японии Курилы.

Жестко конфронтационная позиция в отношении властей, в первую

⁹ П о п о в Г. Х. Перспективы и реалии. «Огонек», 1990, № 50, с. 7.

¹⁰ «Аргументы и факты», 1991, № 28.

очередь «соглашателя Горбачева», приводила радикал-демократов и к провозглашению типично сектантских лозунгов. Второй сопредседатель движения «Демократическая Россия» А. Мурашев даже обосновывал необходимость бойкота советско-американских переговоров по запрету ядерного оружия, поскольку они укрепляли авторитет Горбачева. Выступая против поездки Дж. Буша в Москву, он заявил: «И если Буш все же пойдет на нее, демократы проведут в Москве манифестацию под лозунгом: «Буш — пособник коммунистов!»¹¹.

В тактике радикал-демократов все более проявлялся принцип, сближавший их с классическим большевизмом: все средства хороши для достижения цели. А ведь отвергнутый ими марксизм, кажется, в полной мере продемонстрировал порочность этого пути, пытаясь утвердить благородный принцип «свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» с помощью истребительной классовой борьбы, диктатуры пролетариата, экспроприации собственности. Несоответствие цели и средств не в последнюю очередь и привело коммунистическую идеологию к краху.

Уроки мировой демократии свидетельствуют: отечественным демократам целесообразно направлять усилия не на удушение соперника, а на создание полноценного политического рынка. Политический рынок является таким же обязательным условием общественного прогресса, как и рынок экономический. Достоинство состязательности политических партий может быть аргументировано коротко: на выборах побеждает та из них, которая предлагает стране общественный договор, приемлемый для большинства избирателей и способный, следовательно, сцементировать нацию на добровольной основе вокруг определенной программы. Проигравшая партия вынуждена совершенствовать свой вариант общественного договора, чтобы иметь шанс на следующих выборах, а победившая стремится, чтобы сохранить доверие избирателей, максимально реализовать предвыборные обещания. Так политическая конкуренция превращается в мощный двигатель общественного прогресса, позволяет мирным путем снимать или смягчать социальные антагонизмы.

Нет сомнений, что радикальные демократы сыграли выдающуюся роль в демонтаже тоталитарной системы, и заслуги их здесь не могут быть преуменьшены. Но по мере того как демократия все более прочно утверждается у власти, а на первый план выходят конструктивные задачи радикальной модернизации, по мере того как набирают силу социально-экономические реформы, левый радикализм будет во все большей мере раскрывать свою ограниченность.

Радикальный центр

Одним из самых значительных явлений в развитии радикализма на современном этапе стало формирование центристского течения, нацеленного на обеспечение ненасильственной всесторонней радикальной модернизации общества. И не случайно, что его лидерами стали в первую очередь радикалы, которые пришли к государственной власти на гребне политических успехов в избирательных кампаниях марта 1990 и июня 1991 года. Три деятеля — Б. Ельцин, А. Собчак и Г. Попов — символизируют радикальный центр, являясь его интеллектуальными, политическими и духовными вождями. Причем, что характерно именно для революционного времени, интеллектуальные лидеры радикализма стали и руководителями нарождающейся демократической государственности.

Главный источник пополнения радикального центра — это реформаторское ядро КПСС, представители которого один за другим в 1990—1991 гг.

¹¹ «Независимая газета», 7 февраля 1991.

разочаровались в возможности социалистической перестройки и переделки КПСС, порывая с социалистическим выбором и с партией. Но отказавшись от "изма" социалистического, они, в отличие от радикал-либералов, не приняли и «изма» капиталистического, обозначив свою программу как синтез общецивилизационных ценностей конца XX в., среди которых нашлось место как капиталистическим, так и социалистическим ценностям, доказавшим свое непреходящее значение. Это — правовое государство, разделение властей, экономический, политический и интеллектуальный плюрализм, социальная защищенность народа. В широком смысле их общественный идеал заключается в построении оптимального баланса между экономической свободой, обеспечивающей экономический рост, и социальной демократией, защищающей «наименее приспособленных» к рыночной конкуренции, но не выходящей за пределы, губительные для экономической свободы. В принципе, этот идеал в наибольшей степени соответствует установкам современных западных социал-демократов с той существенной оговоркой, что он приспособляется к отечественным условиям.

Программа радикального центра, как она оформилась в 1991 г., состояла из следующих основных пунктов: 1. Денационализация на основе демократической приватизации и передачи 80% государственной собственности в частную, коллективно-долевою и акционерную собственность. 2. Десоветизация и создание демократической парламентской республики, основывающейся на разделении и четком функционировании исполнительной, законодательной и судебной властей. На переходный период — особая роль исполнительных органов, своеобразный демократический вариант сильной власти (демократура). 3. Дефедерализация и перезаключение союза на основе добровольной межгосударственной ассоциации конфедеративного свойства. 4. Радикальная реформа системы социальной защиты на основе деюрократизации и приватизации. 5. Разрушение монополии КПСС во всех сферах и департизация всех государственных органов и учреждений, национализация собственности КПСС. 6. Создание мощной парламентской партии демократических реформ, объединяющей все группы, движения, партии, заинтересованные в радикальной модернизации общества¹². Концепция и программа радикального центра вызвали со стороны консерваторов проклятья, а горбачевцев — неприятие и непонимание. Они не были поддержаны ни радикал-либералами, ни радикал-демократами. Особенно драматичным оказался конфликт с радикал-демократами, располагавшими большим удельным весом в ленинградском и московском советах, а также в движении «Демократическая Россия». (Радикал-демократы обвинили группу Попова — Собчака в диктаторских устремлениях.) Зато радикальный центр получил поддержку со стороны тех влиятельных реформаторов (Э. Шеварднадзе, С. Шаталин, Ф. Бурлацкий, А. Яковлев, И. Силаев), которые в 1991 г. порвали с КПСС. Таким образом осуществлялась первая серьезная перегруппировка в демократическом движении.

Насколько эффективным окажется новый радикальный альянс, сменивший в 1991 г. горбачевцев у кормила власти? Гипотетически его модель переходного периода выглядит реалистично. Отстаиваемая радикальным центром, а с лета 1991 г. воплощаемая в жизнь, идея сильной исполнительной власти как оптимального государственно-правового механизма перехода от тоталитаризма к демократии соответствует мировому опыту. Как сви-

¹² Обобщение концепции радикального центра основано преимущественно на анализе взглядов Г. Попова и А. Собчака, выступивших в качестве его главных идеологов (см. П о п о в Г. Х. Перспективы и реалии. О стратегии и тактике демократических сил на современном этапе. «Огонек», 1990, № 50, 51, а также его статьи и интервью в «Известиях» (29 июня 1990), «Аргументах и фактах» (1991, № 22, 29) и др.; Собчак А. А. Хождение во власть. М., 1991, а также его интервью и статьи в «Литературной газете» (1990 № 36), «Аргументах и фактах» (1991, № 12), в «Московских новостях» (1991, № 20) и др.

детельствует последний, демократия, чтобы избежать риска перерождения, с одной стороны, в олигархию, а с другой — в охлократию, должна покоиться на трех китах — гражданское общество, правовое государство, политическая культура. Ни первого, ни второго, ни третьего у нас не было не только на протяжении семидесятичетырехлетней советской истории, но и в предшествующей тысячелетней. Так что демократию по-английски, по-французски или даже по-испански нам предстоит выстрадать и, как доказывает опыт той же Испании, сильная исполнительная власть для этого подходит. События осени 1991 г. делают очевидным и другой вывод: сильные исполнительные власти нуждаются в «сдержках и противовесах» со стороны независимых законодательных и судебных органов. Особенности переходного периода не отменяют необходимости разделения властей.

К сожалению, конкретный механизм модернизации у радикального центра отсутствует. Очевидно, что радикалы приобрели шансы для его создания после краха в августе 1991 г. коммунистического режима. Но в один день такой механизм не возникнет, социально-экономическая стабилизация, а тем более подъем сразу не произойдут, и в новой политической ситуации на первый план выходят противоречия уже внутри самого лагеря радикалов. В такой ситуации возникает возможность повторения знаменитой якобинской модели: в 1793—1794 гг. три радикальных группировки — дантонисты, робеспьеристы, «бешеные», истощив друг друга в междоусобных схватках, проложили путь термидору.

Умер ли консерватизм?

События 19—21 августа 1991 г. нанесли сокрушительный удар по консерватизму, прервали в большинстве советских республик политическое существование одного из главных его течений — неосталинизма. Эти события одновременно, как вспышка молнии, озарили реальный масштаб неосталинизма. До этого неосталинизм открыто пестовался такими откровенно одиозными фигурами, как Н. Андреева, Ю. Бондарев, И. Полозков, такими печатными органами, как «Советская Россия» и «Молодая гвардия», такими альянсами, как Объединенный фронт трудящихся, Союз возрождения большевизма и другими политическими партиями. Консерваторы пытались наращивать усилия по объединению своих сторонников, но самое большее, чего они добились, — это создание в июне 1990 г. Российской Коммунистической партии, которая на протяжении своей недолгой жизни не сумела реанимировать активность массы рядовых членов и осталась, по сути, партией «черных» аппаратчиков. Неосталинисты терпели сокрушительные поражения на всех свободных выборах — и в марте 1989, и весной 1990, и в июне 1991 года. Их вылазки в январе и в конце марта 1991 г. были достаточно легко усмирены демократией, которая, как казалось после июньских выборов президента России и мэров Москвы и Ленинграда, продолжит без особых затруднений свое триумфальное шествие.

Путч 19 __ 21 августа выявил (о чем многие знали или догадывались раньше) гораздо большие масштабы неосталинизма. Обнаружилось, что политическим штабом неосталинизма был весь центральный комитет КПСС и что его перестроечные декларации (программное заявление «К гуманно-му, демократическому социализму», одобренное XXVIII съездом КПСС в июле 1990 г., и новая программа, подготовленная летом 1991 г.), как и «одобрямс» на всех без исключения пленумах курсу Горбачева, были только ширмой, скрывавшей тайную подготовку антиконституционного переворота. Выяснилось, что Совет министров, министерство обороны, КГБ, как и большинство центральных государственных органов, оставались опорой тоталитаризма. Но события 19-21 августа обнаружили и другое: все эти политические и государственные штабы неосталинизма не имели сколько-ни-

нибудь надежного фундамента, не смогли заручиться поддержкой не только не ради, но и рядовых членов своих «орденов». Тоталитаризм оказался колосом на глиняных ногах.

Один из главных итогов перестройки состоит, таким образом, в уходе с политической арены консерватизма неосталинистского типа. По мере демонтажа командно-административного социализма исчезает и почва для него. Но как психологический феномен неосталинизм сохранится еще долго. Ностальгия по реальному социализму вряд ли когда-либо исчезнет из сознания значительного числа людей старшего поколения. Причина тому не только в его приверженности принципам грубоуровнительного распределения и гарантированного государством прожиточного минимума, но и в том, что для старшего поколения эпоха реального социализма — это вся жизнь, и отречься от его принципов и истории — значит перечеркнуть смысл собственного существования. Приверженность архитекторов нового строя общечеловеческим ценностям требует, безусловно, не просто понимания этого феномена, но и признания его реальной основы. Это не означает компромисса или конвергенции нового и старого порядка, но предполагает культурно-идеологическую терпимость в отношении верований, мирозерцания большого числа сограждан, для которых в силу социально-культурных и биолого-психологических закономерностей исключена возможность восприятия альтернативных ценностей.

После августа 1991 г. на ведущую позицию в консерватизме, по всей вероятности, выйдет национал-патриотизм. Как идейно-психологическое явление национал-патриотизм существовал и до перестройки, но был легализован и обрел плоть и кровь, как это ни парадоксально, только с ее приходом. И это вполне закономерно: национал-патриотизм, как показал опыт перестройки, способен ловко прикрываться идеалами возрождения, объединять под своими знаменами как консерваторов, так и радикалов. В некоторых случаях, как, например, в Грузии, национал-патриотизм оформился на основе перерождения радикально-демократического движения. Показателен опыт России: здесь идеи возрождения романовской династии, исконного русского капитализма и православия пестовались не только разнообразными фракциями «Памяти», «Литературной Россией» и «Нашим современником», И. Глазуновым и В. Солоухиным, но также и многими средствами массовой информации демократической ориентации.

Особая способность национал-патриотизма странном, но закономерным образом объединять в своих рядах консерваторов и радикалов дает возможность ему претендовать на роль интегрирующей общество веры, которую прежде играл коммунизм. В условиях распада Советского Союза, социально-политической дестабилизации, резкого снижения уровня жизни именно национал-патриотизм способен стать не только господствующим направлением консерватизма, но и получить массовую поддержку. И если демократы не смогут в ближайшие полтора-два года добиться реальных успехов в социально-экономической модернизации, национал-патриотизм с его политической и идеологической всеядностью имеет шанс бросить им вызов.

Судьба Союза

Распад СССР явился, может быть, самым поразительным итогом перестройки. Поражает его быстротечность: еще в конце 1988 г. хартии народных фронтов Эстонии, Латвии и Литвы провозглашали безусловную «поддержку курсу КПСС на перестройку», на «социалистическое обновление» советской федерации¹³, а к концу 1991 г. от коммунистической империи остались руины. Причина столь стремительного распада очевидна: против-

¹³ Цит. по: «Вестник народного фронта Эстонии», 1988, № 5.

естественная империя не выдержала даже легкого дуновения свободы и распалась, как картонный домик.

Причины, этапы, нюансы распада империи будут еще подвергнуты тщательному анализу. Но и сейчас для большинства ясно, что этот процесс был закономерен (версия полковника Алкениса о том, что он организован западными спецслужбами и их «наймитами», народными фронтами, не получила сколько-нибудь широкой поддержки).

Неизбежность дезинтеграции Союза в условиях свободного естественно-исторического развития вытекала и из глубоких различий в социокультурных и национально-исторических характеристиках народов, входивших в состав СССР, и из фундаментальных различий между республиками в понимании целей перестройки (либерально-демократический выбор России, например, оказался несовместим с приверженностью национал-большевизму Узбекистана и Азербайджана), и из экономических антагонизмов между ними, вылившихся в тупиковый спор о том, кто кого «кормит» и кто кого «эксплуатирует». Разделение Союза поддерживали и демократы, и национал-радикалы, и религиозные фундаменталисты. Как выяснилось, из организованных политических сил за реформу, а не расчленение СССР выступала только КПСС, и неудивительно, что ее роспуск поставил точку в дезинтеграции Союза.

Но когда в конце 1991 г. этот распад стал очевидной реальностью, обнаружилось, что при всем его демократизме и естественности он, как это ни парадоксально, представляет смертельную опасность не только для входивших в Союз республик, но и для мирового сообщества. Для республик опасность представляло крушение единого экономического пространства и связей, которые приобрели органический характер и обеспечивали жизнеспособность не только Союза, но и каждого из его членов. Для мирового сообщества очевидную угрозу и непредсказуемость в военно-стратегической области создает перспектива дробления ядерного потенциала в результате стихийного распада Союза.

Эти две реальные, чреватые катастрофическими последствиями угрозы требуют мудрого и твердого политического поведения как от руководства бывших советских республик, так и от мирового сообщества. Первые должны выработать надежные гарантии сохранения единого экономического пространства и единого управления ядерными силами. Мировое же сообщество должно твердо поставить финансово-экономическую помощь и сотрудничество с республиками в прямую зависимость от сохранения ими гражданского мира и консенсуса в управлении вооруженными силами. То, что твердая позиция мирового сообщества в вопросе о финансово-экономической помощи Советскому Союзу в высшей степени эффективна, было продемонстрировано во время путча 19—21 августа: решительное приостановление странами Запада всех видов помощи СССР имело огромное значение для срыва переворота. Да и весь опыт перестройки свидетельствует, что, хотя развитые страны мирового сообщества и не могут решить проблем отечественной модернизации, они способны быть надежным гарантом необратимого ненасильственного либерально-демократического преобразования нашего общества.

В. Согрин, 1992